

Проблема палестинских беженцев

История, историография и политика

Алек Эпштейн, Михаил Урицкий

Проблема палестинских беженцев представляется на сегодня едва ли не самой болезненной из широко круга проблем, с которыми приходится сталкиваться общественным и политическим деятелям с обеих сторон в поисках путей урегулирования арабо-израильского конфликта. Палестинцы требуют «восстановления исторической справедливости» и возвращения миллионов людей (они называют их беженцами) на те земли, на которых их предки проживали до первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Подавляющее же большинство израильтян убеждены, что подобное развитие событий превратит Израиль в двунациональное еврейско-арабское государство. Учитывая высокую рождаемость в арабском секторе, это будет преимущественно арабское государство, жизнь в котором для еврейского меньшинства станет фактически невозможной. При этом степень ответственности израильской стороны за трагические события, произошедшие в 1947–1949 гг., остается во многом невыясненной. Более того, как сви-

детельствуют непосредственные участники арабо-израильских переговоров, именно вопрос о путях решения проблемы палестинских беженцев привел к провалу саммита в египетском городе Таба в январе 2001 г. [см. интервью бывшего министра юстиции Израиля И. Бейлина и министра планирования и международного сотрудничества Палестинской администрации Н. Шаата: «Palestine-Israel Journal...» 2002: 12–23]. Как известно, именно эти переговоры стали последним раундом процесса ближневосточного урегулирования по «модели Осло», продолжавшегося восемь с половиной лет. С тех пор Израиль и палестинцы говорят языком пушек, взрывов военных и гражданских объектов, точечных бомбардировок и террора. Поэтому важность детального рассмотрения истории возникновения проблемы палестинских беженцев выходит далеко за рамки сугубо научной дискуссии.

В данной работе (насколько нам известно, впервые на русском языке) делается попытка обобщить известные на сегодня исторические факты, освещающие

происходившие в конце 1940-х годов и впоследствии события. Только беспристрастный, честный подход, не обходящий острые углы и болезненные для каждой стороны вопросы, может способствовать поиску решения этой одной из самых трудных в современной дипломатии проблемы.

Историки, социологи и политологи, посвятившие свои работы исследованию проблемы палестинских беженцев и путей ее решения, редко когда брались за дело, не имея четкой концепции «правых» и «виноватых», в которой роли, как правило, были расписаны заранее. В отдельных работах на роль «невинных жертв» безоговорочно определялись палестинские арабы, а на скамье подсудимых оказывалось не только Государство Израиль и его военное и политическое руководство, но и лидеры еврейского национального движения в догосударственный период. В других трудах, напротив, виноватыми назывались все, кто угоден, — «двуличные» англичане, «предавшие палестинских арабов» лидеры арабских стран, «безответственные» руководители самих палестинских арабов и т.д., — но не израильские руководители. Фактически, политико-идеологические пристрастия историков предопределяют те выводы, к которым они приходят в своих работах.

Нельзя утверждать, что эта тема не интересовала исследователей — напротив, они обратились к ней значительно раньше политиков и дипломатов. Достаточно упомянуть едва ли не самого известного из израильских «новых историков» Б. Морриса, книга которого «Возникновение проблемы палестинских беженцев, 1947–1949» вышла на иврите и на английском языках еще в середине 1980-х годов. Несмотря на впечатляющее количество привлеченных им материалов, Моррис не дал сколько-нибудь однозначного ответа на вопрос о вине той

или иной стороны в возникновении проблемы беженцев. Но сам факт критического переосмысления этой темы, бывшей на протяжении многих лет одним из табу в израильских исторических и общественных исследованиях, вызвал в полном смысле слова бурю в израильских академических кругах и получил всемирный резонанс. Моррис не был первым израильским автором, поднявшим эту тему: в декабре 1984 г. в Хайфе на иврите была опубликована брошюра Ч. Кеймана под названием «После трагедии: арабы в Государстве Израиль, 1948–1950». Две главы в ней (вторая и четвертая) были целиком посвящены проблеме палестинских беженцев. Но если работа Кеймана вышла весьма ограниченным тиражом, то книга Морриса была опубликована спустя три года в издательстве Кембриджского университета в престижной книжной серии по истории Ближнего Востока и получила мировую известность. Благодаря этому именно Моррис до сих пор считается «первооткрывателем» этой непростой темы. С тех пор были изданы десятки книг и статей, в которых предлагались различные версии и интерпретации событий более чем полувековой давности. Среди них — вышедшие в 2001 г. в престижных университетских издательствах сборник статей «Война за Палестину: переписывая историю 1948 года» и книга известного израильского историка Й. Гелбера «Палестина, 1948: война, бегство и возникновение проблемы палестинских беженцев». Они дали импульс новому витку полемики.

Предыстория вопроса

Прежде чем приступить к описанию событий 1947–1948 гг., в ходе которых сотни тысяч арабов, проживавших на территории будущего еврейского государства, в

массовом порядке снялись с насиженных мест, историки стремятся выяснить: ожидали ли подобное развитие событий лидеры еврейской общины Палестины и, если да, то насколько желательным оно им представлялось?

Может показаться, что мнения сионистских лидеров по поводу возможного выселения арабских жителей с земель, на которых в отдаленном будущем могло возникнуть еврейское государство, не имеют непосредственного отношения к данной теме. Ведь до 1947 г., когда об основании еврейского государства можно было лишь мечтать, подобные идеи не могли иметь какого-либо практического применения. Тем не менее этот вопрос важен по двум причинам. Во-первых, кажущиеся современникам «отвлеченные размышления» авторитетных лидеров нации зачастую создают определенный идеологический настрой, который передается всему обществу и претворяется в жизнь в тот момент, когда это становится возможным, порой — спустя много лет. Во-вторых, высказывания тех или иных сионистских лидеров нередко используются арабскими и солидаризирующимися с ними авторами в пропагандистских целях. Они выступают в качестве доказательства того, что несправедливость, совершенная по отношению к палестинским арабам, — спланированное и продуманное на государственном уровне действие, а не спонтанное побочное явление действительности военного времени, как это утверждает «классическая» израильская историография. М. Палумбо и Н. Масалха, посвятившие теме палестинских беженцев монографии, утверждают, что массовое бегство арабов в 1948 г. явилось результатом спланированной политики массовой депортации целого народа, которая, в свою очередь, была логической кульминацией полувековых усилий,

планов и идеологических постулатов. По их мнению, использование грубой силы для изгнания палестинских арабов «под покровом» войны за независимость стало возможным благодаря тому, что на протяжении десятков лет основоположники сионизма создавали идеологическое обоснование такого изгнания. Попытке доказать этот тезис посвящены первые главы книг обоих авторов [Palumbo 1987: 1–33; Masalha 1992: 5–48]. Именно поэтому эта тема заслуживает особого внимания.

Чтобы установить, являлось ли массовое бегство палестинских арабов в 1947–1948 гг. желанным сценарием с точки зрения сионистских лидеров, и в какой мере их программы и публичные выступления поощряли подобное развитие событий, необходимо ответить на ряд вопросов. Во-первых, что именно подразумевалось под «насильственным переселением» («трансфером») и соответствовало ли это событиям, произошедшим во время войны за независимость? Во-вторых, когда и почему эта тема удостоилась внимания со стороны еврейского руководства? В-третьих, какое место в иерархии приоритетов сионистского руководства занимала идея трансфера, как с политической, так и с моральной точки зрения?

Палестинские авторы (В. Халиди, Н. Масалха и др.), равно как и израильские «новые историки» (в данной области исследований к ним, кроме уже упомянувшегося Морриса, следует отнести преподавателя кафедры международных отношений Хайфского университета И. Паппе и профессора кафедры международных отношений Оксфордского университета А. Шлайма), утверждают, что идея насильственного переселения арабов из Палестины оформилась в сознании сионистских лидеров задолго до того, как подоб-

ное развитие событий стало реальностью. Так, например, в статье «Замечания по поводу сионистской историографии и идеи трансфера в 1937–1944 годах» Моррис писал, что эта идея «укоренилась в идеологии сионизма с момента его возникновения, и подтверждения этому можно отыскать уже в дневниках Теодора Герцля, а также в речах и статьях таких сионистских деятелей, как Израэль Зангвил, Менахем Усышкин и Артур Руппин» [Моррис 1997: 195]. (Отметим, что ни один из упомянутых выше политических деятелей не дожил до провозглашения Государства Израиль в мае 1948 г. и нападения на него армий пяти арабских государств.) Моррис не приводит, однако, ни одной цитаты из многочисленных печатных трудов этих авторов, выдвигая, но не аргументируя своего рода «теорию конспирации»: «в большинстве случаев эти идеи выражались только в личных разговорах, частных письмах и закрытых собраниях» [Моррис 1997: 195]; доказательств этого тезиса в работе Морриса отсутствуют. Единственная приводимая им цитата взята из дневника основоположника политического сионизма Т. Герцля (1860–1904), где говорится о согласованном переселении арабского населения, которое должно осуществляться с «максимальной осторожностью». И действительно, подобно тому, как в последнее десятилетие своей жизни Герцль мечтал о массовом переселении всех евреев мира в будущее еврейское государство, он мечтал и о том, чтобы в этом государстве евреи составляли бы абсолютное национальное большинство. В случае создания еврейского государства в Палестине (что, как известно, было не очевидно и для самого Герцля), это потребовало бы переселения проживавших там арабов на другие территории. Однако в 1895 г. само предположе-

ние о возникновении еврейского государства в сколько-нибудь обозримом будущем, равно как и о том, что евреи со всего мира в массовом порядке начнут туда съезжаться, представлялось более чем утопичным. Поэтому высказывания общественных деятелей XIX в. по поводу выселения арабов с территории будущего еврейского государства не могут считаться «планированием» даже с большой натяжкой. Кроме того, нужно учитывать, что тогдашний политический контекст во многом отличался от современного. Это, разумеется, накладывало свой отпечаток на использовавшуюся политическими и общественными деятелями терминологию.

В качестве одного из наиболее «убедительных» подтверждений того, что сионистские деятели и мыслители вынашивали идею трансфера арабов задолго до начала войны за независимость и провозглашения Государства Израиль, обими авторами используется лозунг, выдвинутый И. Зангвилем: «Земля без народа — народу без земли». С Зангвиля начинается свое описание спорадических идей еврейских интеллектуалов о превращении Палестины в государство исключительно еврейского народа и израильский историк Ш. Тевет [Тевет 1999: 247–248]. Палумбо, который вынес этот лозунг в заголовок первой главы своей монографии, и Масалха утверждают, что подобное видение реальности было расистским по своей природе и отражало всю степень пренебрежения основоположников еврейского национализма к арабскому населению Палестины [см.: Palumbo 1987: 11; Masalha 1992: 5–6, 13–14]. При этом замалчиваются важные детали, совокупность которых ставит под сомнение возможность подобного вывода.

И. Зангвил (1864–1926) — общественный деятель, писатель и публицист,

родился и умер в Англии, никогда не жил в Палестине. Он побывал здесь лишь однажды, в 1897 г., в качестве туриста и не имел никакого отношения к органам самоуправления еврейской общины. Хотя бы поэтому весьма сомнительно, что его идеи могли оказывать влияние на идеологию прибывших преимущественно из России и Польши лидеров социалистического сионизма, которые, собственно, и сыграли ключевую роль в создании государства Израиль. Проблемы формирования и развития наций и этносов настолько интересовали Зангвила, что в 1917 г. он опубликовал фундаментальный труд на эту тему — «Первоосновы национальностей». Важно отметить, что он считал конечной целью еврейского национального движения создание государства для гонимого и преследуемого народа, но при этом совсем не обязательно в Палестине. В ходе дискуссии на VI сионистском конгрессе, состоявшемся в Базеле в 1903 г., Зангвил (как и Герцль) горячо поддержал план британского правительства о массовом переселении евреев на плато Гуас-Нгишу в Уганде и последующем создании там еврейского государства. Более того, когда усилиями преимущественно российских сионистов план Уганды был отвергнут, Зангвил пошел на беспрецедентный шаг: он вышел из Сионистской организации и основал Еврейское территориальное общество, целью которого было создание еврейского государства в любой части мира, доступной для массового переселения евреев. Заручившись финансовой поддержкой английских и американских филантропов, Еврейское территориальное общество организовало переселение нескольких тысяч евреев в Галвестон (Техас). Зангвил искренне страдал от того, что еврейский народ не имеет своего государства, и был готов всеми силами содействовать тому, что-

бы такое государство было образовано — там, где оно не угрожало бы чаяниям других народов; отсюда и лозунг — «Земля без народа — народу без земли».

Однако большинство читателей едва ли знакомы с подробностями биографии и мировоззрения этого человека, поэтому извращение исторических фактов происходит незамеченным, создавая видимость доказательства весьма и весьма сомнительного тезиса. Факт же состоит в том, что никто из основоположников сионистской идеологии — как в ее либеральной (например, Герцль и М. Нордау), так и в социал-демократической (например, Дов-Бер Борохов) версиях — не писал о насильственном перемещении арабов из Палестины. Действительно, классики сионизма надеялись, что настанет день, и благодаря массовой еврейской иммиграции в Палестину евреи станут в ней национальным большинством и смогут построить государство, основанное на интеграции представителей национальных и религиозных меньшинств. Но ни о каком выселении оттуда (и уж тем более насильственном) арабского населения речь не шла.

Палестинские и некоторые израильские историки приложили немало усилий, чтобы отыскать какие-либо высказывания еврейских лидеров в период британского мандата, которые могли бы служить подтверждением тезиса об укоренении идеи трансфера в идеологии сионизма с момента его возникновения. В самом деле, когда после Декларации Бальфура еврейское государство перестало быть лишь красивой мечтой, и появилась необходимость в выработке конкретной политической линии, подобные высказывания могли бы иметь особый вес. Однако именно здесь образуется лакуна, возникновение которой эти историки не могут объяснить. Факт

состоит в том (это признавал и Моррис), что идея трансфера удостоилась публичного или частично публичного обсуждения только в июле 1937 г. Тогда она была сформулирована в качестве одной из рекомендаций британской государственной комиссии под руководством лорда Пиля [см.: Моррис 1997: 195–196]. Таким образом, все упоминания идеи трансфера, приводимые Моррисом, а вслед за ним и другими авторами, приходятся на десятилетие, предшествовавшее войне за независимость Государства Израиль.

Важно отметить, что переселение арабов, о котором говорили лидеры еврейской общины Палестины, вовсе не означало их насильственного изгнания. Д. Бен-Гурион (1886–1973), бесспорный лидер Еврейского агентства Эрец-Исраэль, первый премьер-министр и министр обороны Государства Израиль, не уставал повторять, что речь идет не об изгнании, а о взаимно согласованном обмене населением, который должен был производиться без нанесения ущерба материальному положению переселяемых. Высказывания Бен-Гуриона на различных этапах его политической карьеры свидетельствуют о том, что трагические события 1947–1949 г. вовсе не были желанным, с его точки зрения, сценарием. Еще в 1936 г., отвечая на вопрос М. Усышкина, является ли изгнание палестинских арабов приемлемой политикой, Бен-Гурион сделал следующее заявление: «Необходимо объяснить всему миру, что мы не хотим лишать арабов права на существование, кроме того мы вовсе не нуждаемся в их изгнании, и это можно доказать при помощи цифр» [см. протокол заседания руководства Еврейского агентства от 21 октября 1936 г.: Тевет 1999: 266]. Речь шла об обмене населением по аналогии с тем, который произошел между Гре-

цией и Турцией по окончании Первой мировой войны. Имелось в виду не выдворение арабов за пределы Палестины, а передислокация двух народов — еврейского и арабского — в рамках тех государств, которые планировалось основать на территории, на которую в 1920–1947 гг. распространялось действие британского мандата. При этом подобная передислокация должна была сопровождаться выплатой денежных компенсаций палестинским арабам, которым предстояло сняться с насиженных мест. Кроме того, им должны были предоставлять земельные участки, сопоставимые по территории с теми, которые они оставят.

Ответ на вопрос, почему эта тема удостоилась внимания еврейского руководства именно после 1937 г., очень важен. Дилеммы, связанные с возможным переселением арабов из Палестины, вытекали из опасений сионистских лидеров по поводу того, что Палестина (ее площадь составляла всего 27 тыс. кв. м) из-за массовой иммиграции евреев со всего мира просто не сможет стать домом для обоих народов. Однако надежды на большую волну иммиграции, которая во многом была следствием заявления руководителя британского МИД А. Бальфура (1848–1930) о благосклонном отношении его страны к созданию «национального очага» еврейского народа в Палестине, оправдались лишь частично. Опасения о перенаселенности Палестины оказались полностью оторваны от реальности. Основной проблемой стала борьба против вводимых британскими мандатными властями (особенно после начавшегося в 1936 г. арабского восстания) новых ограничений еврейской иммиграции [см.: Тевет 1999: 262].

Поворотным моментом в отношении руководства еврейской общины Палестины к идее трансфера палестинских арабов

стал опубликованный в июле 1937 г. отчет комиссии Пиля. Это отмечает и живущий ныне в Англии известный израильский историк Э. Карш [Карш 1997: 66–69], и палестинский исследователь проблемы беженцев В. Халиди [Khalidi 1988: 11]. Халиди, тем не менее, утверждает, что «подобная рекомендация не была целиком навязана британской стороной», поскольку «еще до опубликования отчета комиссии Пиля Х. Вейцман обсуждал ее в ходе встречи с высокопоставленным представителем британского Министерства колоний, состоявшейся 19 июля 1937 года. Х. Вейцман сказал тогда, что успех всего предприятия зависит от того, готово ли британское правительство содействовать в полной мере выполнению всех рекомендаций комиссии» [Khalidi 1988: 11].

Как бы то ни было, инициатива в этом вопросе исходила от англичан. Более того, отчет комиссии Пиля являлся не просто рекомендацией: английские власти заявили, что в нем выражена именно та политическая линия, которую Британия намерена проводить на Ближнем Востоке. Еврейское руководство приняло изложенный в отчете комиссии план, включая идею обмена населением, при условии, что он будет происходить под надзором британских властей, действовавших на основании мандата Лиги наций. Территория, отводившаяся комиссией Пиля под будущее еврейское государство, включала лишь узкую прибрежную полосу от Реховота на юге до Ливанской границы на севере, Изреэльскую долину и Галилею. Но число арабов, проживавших на этих территориях, значительно превосходило число евреев, проживавших на территории, предназначавшейся для значительно большего территориально арабского государства (около 225 000 человек против 1 250) [см. предложенную комиссией Пиля карту раздела Палестины: Гил-

берт 1997: 132]. Для детального анализа всех возможных последствий реализации плана комиссии руководство Еврейского агентства создало в ноябре 1937 г. специальную рабочую группу. Однако руководство палестинских арабов категорически отказалось принять план англичан. За этим последовало решение мандатных властей отказаться от его реализации, и уже летом 1938 г. обсуждение возможных путей обмена населением было прекращено. В дальнейшем этот план больше не упоминался [см.: Galnoor 1995: 179–180].

Ближе к концу Второй мировой войны эта идея поднималась дважды: в 1944 г. — Лейбористской партией Великобритании, а в октябре 1945 г. — бывшим президентом США Г. Гувером (1874–1964). По мнению Халиди, первый раз подобная рекомендация была инспирирована одним из крупнейших британских политологов Г. Ласки (1893–1950), который в 1945 г. был председателем Лейбористской партии и состоял в переписке с Вейцманом (1874–1947) [Khalidi 1988: 11]. Однако даже в том случае, если догадка Халиди верна, это не умаляет того факта, что инициаторами идеи частичного трансфера были не сионистские лидеры, а влиятельные представители англосаксонских демократий.

Следует подчеркнуть, что трансфер палестинских арабов представлялся сионистским лидерам и, прежде всего, самому Бен-Гуриону чрезвычайно проблематичным с моральной точки зрения. Еще до того, как был опубликован отчет комиссии Пиля, Бен-Гурион представил на рассмотрение руководства возглавлявшейся им Рабочей партии план раздела Палестины. В своем предложении он даже не коснулся темы трансфера, вновь и вновь повторяя: «...мы пришли не с целью изгнать арабов с их земель» [см.: Тевет 1999: 268].

Таким образом, идея трансфера была выдвинута англичанами и даже в том виде, в каком она обсуждалась на III съезде Еврейского агентства Эрец-Исраэль, имела мало общего с тем, что произошло в действительности в 1947–1949 гг. Что же привело к массовому бегству палестинских арабов? Не претендуя на исчерпывающий обзор, попытаемся, тем не менее, восстановить картину произошедшего.

Война и массовое бегство палестинских арабов (ноябрь 1947 — октябрь 1948 гг.)

18 февраля 1947 г. англичане передали свои полномочия по управлению Палестиной Организации объединенных наций. Чрезвычайная комиссия ООН была направлена туда с целью изучить ситуацию и выработать решение, которое устроило бы и евреев, и арабов. В конце августа 1947 г. комиссия опубликовала свои выводы и порекомендовала решение, которое раз за разом уже отклонялось палестинскими арабами, — раздел Палестины между евреями и арабами и незамедлительное предоставление независимости обоим государствам (Иерусалим в соответствии с этим планом должен был получить статус «международного города» под опекой ООН). После принятия 29 ноября того же года резолюции ООН о разделе Палестины (в соотношении 55% территории — евреям, 45% — арабам) Верховный арабский комитет заявил, что никогда не признает законность подобного раздела. Арабские представители также подчеркнули, что любая попытка со стороны евреев основать собственное государство приведет к полномасштабной региональной войне. В то же время Всемирный сионистский конгресс после недолгих де-

батов решил поддержать план раздела Палестины.

Декабрь 1947 г. прошел под знаком непрекращавшихся беспорядков, инициаторами которых были арабы, протестовавшие против решения ООН. 2 декабря толпа арабов устроила погром еврейского торгового центра в Иерусалиме, а британская администрация, в буквальном смысле слова уже паковавшая чемоданы, не сделала ничего, чтобы остановить их. В Палестину потекли арабские боевики, ударной силой которых явились подразделения Арабской армии спасения. 9–14 января 1948 г. были совершены нападения на три еврейских поселения, среди защитников которых были человеческие жертвы. Руководство «Хаганы» (наиболее влиятельной на тот момент еврейской вооруженной организации, насчитывавшей 35 тыс. бойцов и 17 тыс. единиц стрелкового оружия [Morris 1999: 193]) поначалу было склонно относиться к насильственным действиям со стороны арабов не как к началу войны, а как к новому витку кровавых беспорядков. (Подобные события имели место в 1920–1921, 1929 и 1936–1939 гг.; тогда арабы устраивали многочисленные антиеврейские погромы, в которых погибли сотни людей.)

Поскольку иерусалимский муфтий Хадж Амин Эль-Хусейни стремился спровоцировать евреев на ответные действия и добиться таким образом эскалации конфликта, Бен-Гурион принял решение о проведении вооруженными силами еврейской общины максимально сдержанной политики [см. протокол заседания Исполнительного комитета Сионистской организации от 10 декабря 1947 г.: Моррис 1991: 53]. Несмотря на участвовавшие к середине декабря «акции возмездия» «Хаганы», в целом она по-прежнему придерживалась сдержанной позиции, стараясь, насколько

возможно, предотвратить развязывание широкомасштабной войны между еврейским и арабским населением. Насильственные действия, иногда совершавшиеся подразделениями «Хаганы» в отношении арабов, носили спорадический характер и не инспирировались приказами «сверху». Впоследствии они, как правило, осуждались государственными и разведывательными службами, а зачастую и самим Бен-Гурионом. Так, на его встрече с командирами и бойцами «Хаганы» 1–2 января 1948 г. последние были подвергнуты резкой критике за нападение на деревни Силуан, Яабец и Хейсас, а также на несколько арабских поселений в Негеве.

Следует отметить, что Верховный арабский комитет выступал категорически против заключения любых мирных соглашений между евреями и арабами. Муфтий иногда призывал сократить масштабы вооруженной борьбы, но не шел ни на какие действия, в которых содержался хотя бы минимальный намек на мир с евреями (он лично сорвал несколько попыток мирного урегулирования). Так, к примеру, в середине января 1948 г. представители влиятельных семей арабского города Бисан (Бейт-Шеан) и руководители еврейских поселений в долине Бейт-Шеана пришли к неофициальному мирному соглашению. Но, по информации британского окружного губернатора Галилеи (Galilee District Commission), Верховный арабский комитет во главе с Эль-Хусейни воспрепятствовал его реализации [см: Моррис 1991: 63]. При этом отказ идти на какие бы то ни было соглашения с евреями диктовался исключительно идеологическими соображениями. Как отмечает известный палестинский историк Рашид Халиди, «находясь в изгнании, на большом расстоянии от Палестины, пребывая в неведении как относительно

опустошающего эффекта, производимого британскими репрессиями в отношении палестинских арабов, так и в отношении растущих день ото дня еврейских сил, муфтий был полностью оторван от событий, происходивших в Палестине, и его политика чрезвычайно слабо соотносилась с реальностью» [Khalidi 2001: 28].

Несмотря на то, что вооруженные стычки происходили в основном в деревенских районах, массовое бегство арабских жителей началось с городов — Хайфы (этот город по карте ООН попадал под юрисдикцию еврейского государства), Яффо и Иерусалима. Первым документально подтвержденным бегством был уход из Хайфы 250 арабских семей 4 декабря 1947 г. По данным британской администрации, до середины декабря город покинуло от 15 до 20 тыс. арабских жителей. Важной причиной бегства явился полнейший хаос, отсутствие закона и порядка. Первыми Хайфу покидали представители зажиточных арабских семей. Как отмечает израильский историк Й. Гелбер, тысячи палестинских арабов, занятых на государственной и общественной службе, — врачи, чиновники, адвокаты, клерки и др. — оказывались без работы и покидали места своего проживания одновременно с расформированием мандатной администрации. Подобная ситуация задавала определенную модель поведения и создавала атмосферу безысходности, которая быстро распространилась на более широкие слои населения. От половины до двух третей арабских жителей Хайфы и Яффо оставили свои дома еще до того, как войска еврейского ишув атаковали эти города во второй половине апреля 1948 г. [см.: Gelber 2001].

До начала описываемых событий в Яффо проживало от 60 до 70 тыс. арабов. Уже 2 декабря разведывательные службы

«Хаганы» сообщили о массовом бегстве арабов из районов Маншия и Абу-Кабир. Местные старейшины в большинстве своем выступали против насильственных действий в отношении «Хаганы», опасаясь акций возмездия. В начале декабря 1947 г. глава яффского муниципалитета Ю. Хейкал отправился в Каир с целью добиться от Арабской лиги разрешения на подписание соглашения о прекращении огня. Однако нерегулярная армия Эль-Хусейни продолжала идти на конфронтацию с «Хаганой». По свидетельству Бен-Гуриона, в ответ на замечание Хейкала, что если соглашение о прекращении огня не будет достигнуто, город Яффо будет стерт с лица земли, один из командиров армии Эль-Хусейни Шихайни заявил: «Меня это не интересует. Главное — это уничтожить Тель-Авив» [см. письмо Д. Бен-Гуриона М. Шарету от 12 февраля 1948 г.: Моррис 1991: 73].

Эвакуацию арабов из сельских районов, начавшуюся в декабре 1947 г., уже в марте 1948 г. можно было характеризовать как повальное бегство. Как правило, она являлась прямым следствием операций возмездия, проводившихся «Хаганой», и поэтому затрагивала лишь те районы, в которых происходили стычки, или те, которые находились вблизи еврейских населенных пунктов. В этот период больше всего арабов эвакуировалось из района, простирающегося между Тель-Авивом и Хадерой, который был заселен в основном евреями (в соответствии с решением ООН он должен был оказаться внутри еврейского государства). Люди бежали из одной деревни в другую, и их страх передавался жителям других деревень, которые начинали в свою очередь готовиться к эвакуации. Большинство жителей бедуинских селений бежали в страхе перед атаками «Хаганы» еще до того, как они были реально атакованы.

В этой связи важен вопрос об отношении Верховного арабского комитета к массовому бегству палестинских арабов. Моррис утверждает, что не нашел ни одного свидетельства того, что руководители арабских стран поддерживали это бегство или отдавали прямые приказы об эвакуации [Моррис 1991: 98]. Вместе с тем он описывает не один и не два случая, когда арабские лидеры настоятельно требовали эвакуировать женщин, стариков и детей в безопасные районы. Так, к примеру, 22 апреля 1948 г. Национальный комитет Иерусалима приказал всем своим местным отделениям вывести из окрестных деревень женщин и детей в безопасные места и предупредил, что нарушение этого приказа является прямой помехой джихаду. Аналогичным образом, Арабская армия спасения приказала жителям деревень в районе Рош-Пины эвакуировать женщин и детей и самим быть готовыми эвакуироваться в любой момент [см. Дневной отчет штаба ПАЛЬМАХ Генеральному штабу «Хаганы» 3 мая 1948 г.: Моррис 1991: 99]. Та же картина наблюдалась и в ряде населенных пунктов в Галилее. Всего же по приказу Верховного арабского комитета или местных арабских командиров в апреле–мае 1948 г. были эвакуированы, частично или полностью, жители 20 арабских населенных пунктов [см.: Моррис 1991: 99]. Как отмечала много лет спустя арабская исследовательница Б.Н. эль-Хат (Bayan Nuwayhid al-Hut), «евреи были шокированы, когда город Цфат оказался в их руках без единого арабского жителя». Автор заключает, что падение арабских городов и деревень неразрывно связано с действиями и упущениями политического и военного командования палестинских арабов [см.: Teveth 1990: 248].

Что касается Верховного арабского комитета и иерусалимского муфтия, то их

одолевали противоречивые чувства. С одной стороны, они с сожалением наблюдали за тяжелой ситуацией, в которой оказались арабские жители Палестины. С другой стороны, они понимали, что их борьба против еврейских вооруженных отрядов проиграна, и приходится рассчитывать только на вмешательство арабских стран. Бегство арабских жителей было им только на руку, поскольку могло подхлестнуть руководителей арабских государств и заставить их объявить войну Израилю. Более того, подобное развитие событий придало бы этому шагу видимость легитимности в глазах международного сообщества.

В конце марта 1948 г. будущее еврейского населения Палестины рисовалось в самых мрачных красках. С политической точки зрения казалось, что США собираются отступить от своего первоначального решения поддержать раздел Палестины на арабское и еврейское государства [см.: Злобин 2002: 275–287]. Министр обороны США Дж. Форрестол пользовался любой возможностью выступить с критикой решения ООН. «Вы просто не понимаете, — говорил он, — что сорок миллионов арабов столкнут четыреста тысяч евреев в море. И в этом все дело. Нефть — мы должны быть на стороне нефти» [см.: Злобин 2002: 280]. Американские военные убеждали президента в невозможности отправки частей США в Палестину в случае начала полномасштабного вооруженного конфликта в этом регионе. Практически все дипломаты и сотрудники государственного департамента были против даже самой идеи создания еврейского государства в Палестине. Позиция произраильски настроенного президента США Г. Трумена (1884–1972) ослаблялась тем, что против создания еврейского государства в Палестине выступал самый популярный политик

того времени, герой недавней войны, государственный секретарь США генерал Дж. Маршалл (1880–1958). Введенное американцами эмбарго поставило Израиль в крайне трудное с военной точки зрения положение. Еврейские города и поселения зачастую находились на значительном расстоянии друг от друга и, поскольку многие дороги контролировались арабскими боевиками, оказывались практически полностью отрезанными друг от друга. В этих условиях добраться из одного поселения в другое было весьма сложно. Поставки оружия и продовольствия были также затруднены, и большинство еврейских поселений находилось в кольце блокады.

В марте 1948 г. руководители «Хаганы» выработали так называемый план «Далет». Его цель состояла в защите будущего еврейского государства от вторжения арабских армий, которое должно было неизбежно произойти после ухода англичан. Чтобы выстоять в войне с регулярными армиями арабских стран, требовалось, прежде всего, одолеть нерегулярные вооруженные силы арабов, освободить дороги, усмирив контролировавшие их деревни. Согласно плану предполагалось создать территориальную непрерывность между еврейскими населенными пунктами.

Боевики нерегулярной армии проживали в основном в деревнях, поэтому большинство арабских деревень в той или иной степени считались враждебными. Полевые командиры не рассматривали план «Далет» как указание уничтожать эти деревни. Но поскольку было дано распоряжение изгонять жителей, оказавших сопротивление, этот план оказался безупречным оправданием — всегда можно было сказать, что имелась необходимость военного характера ликвидировать тот или иной населенный пункт. Следует за-

метить, что далеко не все деревни, располагавшиеся вдоль ключевых дорожных артерий, таких, как шоссе Тель-Авив — Хайфа или Тель-Авив — Иерусалим, были разрушены, а жители изгнаны. Приказы об эвакуации не распространялись, к примеру, на деревни Парадиз и Хербат Джесир Аль-Зарка, располагавшиеся на пути из Хайфы в Тель-Авив, а также на деревню Абу Гош, на пути из Иерусалима в Тель-Авив [см.: Моррис 1991: 95]. Одно это доказывает, что план «Далет» носил ярко выраженный стратегический, а не политический характер, как утверждает, к примеру, Валид Халиди.

В. Халиди в своей статье, посвященной плану «Далет», писал, что одним из основных этапов его реализации являлся захват Хайфы и изгнание ее жителей, что и было успешно осуществлено подразделениями «Хаганы» [Khalidi 1988: 17]. Стоит подробнее остановиться на причинах массовой эвакуации жителей Хайфы, поскольку события, произошедшие в этом городе в апреле 1948 г., во многом показательны.

Первоначально руководство «Хаганы» не планировало каких-либо операций в Хайфе, так как было известно, что хайфский порт необходим англичанам для упорядоченной эвакуации из Палестины. Однако в середине апреля 1948 г. давление приверженцев Эль-Хусейни заставило англичан отступить с территории, разделявшей еврейские и арабские районы, после чего многочисленные провокации со стороны боевиков муфтия вынудили «Хагану» перейти к решительным действиям. В соответствии с разработанным генеральным штабом «Хаганы» планом предполагалось захватить все правительственные службы и их имущество, эвакуировать гражданское население с территорий, расположенных в зоне конфликта, а также из

некоторых районов, которые, по мнению штаба, ставили под угрозу передвижение транспорта или служили базой для подготовки вооруженных атак. Кроме того, планировалось оцепить некоторые районы арабской части города.

22 апреля члены арабского Национального комитета обратились к британским военным с просьбой добиться соглашения о прекращении огня. В ходе состоявшейся в тот же день встречи англичане заявили, что не будут вмешиваться в происходящее в пользу какой-либо из сторон, но готовы выступить посредниками между евреями и арабами. В соглашении о прекращении огня, предложенном представителями «Хаганы» (с небольшими исправлениями, внесенными англичанами), в частности, говорилось: все пришедшие арабские боевики должны покинуть город, тогда всем остальным арабам будут предоставлены равные с евреями права, и они смогут работать и жить как полноправные жители Хайфы [см. «Stockwell Report», Alan Cuninghame Papers, Middle East Center Archive, St. Antony's College, Oxford (документ v/4/102): Моррис 1991: 116]. В ответ арабы заявили о неспособности выполнить условия еврейской стороны (полное прекращение военных действий, сдача оружия и выдворение из города боевиков) и выдвинули альтернативное предложение — эвакуация всего арабского населения Хайфы. Глава муниципалитета и еврейские представители уговаривали арабских старейшин отказаться от эвакуации, однако, по мнению последних, другого выбора у них не было [см. отчет Г. Бейлина об оккупации Хайфы от 25 апреля 1948 г. в Центральном сионистском архиве (документ S25/10.584): Моррис 1991: 118]. Подобное решение, вероятнее всего, было продиктовано страхом перед боевиками

Эль-Хусейни, которые не простили бы старейшинам подписания мирного соглашения с евреями. Проведенная впоследствии эвакуация сопровождалась слухами, что оставшиеся в городе арабы будут взяты евреями в плен в качестве заложников. Как заметил по этому поводу Д. Бен-Гурион, «целые города были оставлены арабами, хотя им не грозила никакая-либо опасность или геноцид, и это показывает, какой народ на самом деле глубоко привязан к этой земле» [см. выступление Бен-Гуриона в ходе заседания Национального собрания 4 мая 1948 г.: Бен-Гурион 1982: 387].

После вторжения регулярных армий арабских стран, начавшегося 14 мая 1948 г., израильская армия ужесточила свое отношение к палестинским арабам. Иерусалимский социолог Б. Киммерлинг и американский политолог Дж. Мигдал отмечали в своей книге «Палестинцы: создание нации», что в течение десяти дней июля еврейские вооруженные силы насильственно переместили более 100 тыс. арабов на территории, которые еще находились под властью Иордании, Египта и Арабской армии спасения. В ходе операции по разгрому Арабской армии спасения, проведенной израильянами в октябре того же года, были изгнаны еще 100–150 тыс. арабов [см.: Kimmerling, Migdal 1993].

Наиболее показательной в этом плане можно считать операцию по захвату двух городов, располагавшихся в непосредственной близости от шоссе Иерусалим — Тель-Авив, — Лода и Рамле (в июле 1948 г. здесь находилось около 50–70 тыс. арабских жителей и около 15 тыс. беженцев из Яффо). Израильская армия потребовала от горожан сложить оружие и выдать «Хагане» всех находившихся в этих городах солдат Арабского легиона. Об изгнании гражданского населения речь

опять-таки не шла. Однако случилось непредвиденное: 12 июля в Лод вошли (возможно по ошибке) несколько бронетранспортеров Арабского легиона. Завязалась перестрелка, и шум боя, вселивший в арабских жителей надежду на то, что Арабский легион снова пошел в атаку, подвиг некоторых из них открыть огонь по израильским солдатам. Командование «Хаганы» восприняло это как бунт — солдаты получили приказ стрелять по любой движущейся мишени. Жители города, услышав выстрелы, решили, что началось массовое уничтожение арабского населения, и бросились на улицу, где их встретил ружейный огонь. Израильяне бросали гранаты в те дома, где, как они предполагали, засели снайперы. В результате погибло 250 арабских жителей, остальные были изгнаны [см.: Моррис 1994: 1–4]. Хотя Бен-Гурион категорически запрещал командирам подразделений израильской армии разрушать города и деревни, изгонять из них арабских жителей в периоды, когда не велись активные бои [см. распоряжение Д. Бен-Гуриона от 6 июля 1948 г. в подборке документов Аарона Цизлинга в архиве движения «Ха'киббуц Ха'меухад»: Моррис 1991: 266], действительность военного времени нередко вносила свои коррективы, что предопределило развитие событий в отдельных случаях по иному сценарию.

С началом операции «Хирам» 29 октября 1948 г. численность арабских жителей Галилеи составляла около 50–60 тыс. человек. По окончании операции их осталось около 12–15 тыс. Анализ показывает, что подавляющее большинство мусульман бежали в Ливан, большинство же христиан и почти все черкесы и друзья оставались в своих деревнях. При этом известно, что практически все мусульманские деревни вели бескомпромиссную войну против еврейских «захват-

чиков», тогда как христианские деревни в большинстве своем не оказывали вооруженного сопротивления. Деревни, воевавшие против израильской армии, полностью опустели. Жителям же тех деревень, которые не оказывали вооруженного сопротивления, как правило, не причиняли никакого вреда и разрешали остаться.

От прошлого к настоящему

Проблема палестинских беженцев во многом порождена расхождением в восприятии происходивших событий двумя вовлеченными в конфликт сторонами. По утверждению Й. Гелбера, покинувшие города и деревни палестинские арабы были уверены, что по окончании военных действий они смогут вернуться в свои дома. На протяжении многих веков возвращение беженцев на территории, покинутые в ходе войны, являлось на Ближнем Востоке незыблемым обычаем, тогда как в западных странах наблюдалась иная картина. Поэтому израильтяне, большая часть которых прибыла в страну из государств Европы, не предполагали возвращения палестинских беженцев, отрицая за ними какие-либо права на покинутые в ходе войны территории. Подобная установка, в корне отличавшаяся от принятых на Востоке воззрений, четко проявилась в высказывании Бен-Гуриона: «В военное время понятие собственности теряет всякий смысл» [см.: Gelber 2001].

Какой же вывод можно сделать из всего вышесказанного? Утверждение о том, что сионистские лидеры разрабатывали идею насильственного выселения палестинских арабов с их земель, не находит документального подтверждения. Трагедия палестинских арабов не была результатом некоего «генерального плана», кото-

рый якобы вынашивали сионистские руководители. Скорее она стала следствием охватившей арабское население паники, которая, в свою очередь, явилась результатом проводившихся «Хаганой» акций возмездия, разобщенности и бессилия палестинского руководства, а также «демонизации» еврейского народа в глазах арабского населения. Немаловажную роль сыграло и то, что беженцы были уверены в своем возвращении на покинутые территории, но этого, как известно, не случилось.

Со времени трагических событий прошло уже более полувека, однако проблема палестинских беженцев не решена до сих пор. На протяжении многих десятилетий арабские страны используют эту проблему как средство давления на Израиль и противоборства с ним в международных организациях. Общее число палестинских беженцев в 1947–1949 гг. составило приблизительно 720 тыс. человек, хотя сведения, приводимые в различных источниках, колеблются от 520 тыс. (израильская оценка) до 900 тыс. (арабская оценка). Из них 350 тыс. оказались в Иордании (в том числе 250 тыс. — на Западном берегу реки Иордан), почти 200 тыс. — в Египте (в том числе 190 тыс. — в секторе Газа), около 100 тыс. — в Ливане, 75 тыс. — в Сирии, менее 5 тыс. — в Ираке. Более 100 тыс. арабов остались в Израиле. В еврейском государстве палестинским арабам было предоставлено гражданство, а после отмены в 1966 г. режима военных администраций — более или менее полные гражданские и социальные права [см.: Нойбергер 1999; Эпштейн, Зайцева 2002: 275–298]. Но из всех арабских стран лишь Иордания предоставила палестинским беженцам гражданство. В большинстве арабских стран палестинские беженцы и сегодня с большим трудом получают разрешение на работу. Большинство

правительственных программ в сфере образования, здравоохранения и социального обеспечения на них не распространяются [см.: Shiblak 1996: 36–45]. До тех пор пока арабские страны, выражаясь языком египетского официоза, будут видеть в палестинских беженцах лишь «краеугольный камень борьбы против Израиля» и «боевой

авангард арабского национализма», решение проблемы едва ли может быть найдено. Представляется, что Израилю и арабским странам нужно перейти от взаимных обвинений и надежд, что проблема разрешится сама собой, к конструктивному диалогу, в рамках которого была бы урегулирована и проблема беженцев.

примечания

Бен-Гурион Д. 1982. Военный дневник / Подготовка текста Г. Ривлина и Э. Орена. Т. 1. Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля.

Гилберт М. 1997. Атлас по истории еврейского народа. Иерусалим: Изд-во «Библиотека-Алия».

Злобин Н. 2002. Белый дом и создание Государства Израиль // «Континент. Литературный, публицистический и религиозный журнал», № 111.

Карш Э. 1997. Измышления израильской истории: «новые историки» // «Гешер» [«Мост»], № 135.

Моррис Б. 1991. Возникновение проблемы палестинских беженцев, 1947–1949. Тель-Авив: Изд-во «Ам овед».

Моррис Б. 1997. Замечания по поводу сионистской историографии и идеи трансфера в 1937–1944 годах // Между видением и ревизией. Сто лет сионистской историографии. Под ред. Й. Вайца. Иерусалим: Центр им. З. Шазара.

Нойбергер Б. 1999. Арабское меньшинство: нацио-

нальная обособленность и политическая интеграция. Тель-Авив: Открытый университет Израиля.

Тевет Ш. 1999. Сокрытые годы и черная дыра. Тель-Авив: Изд-во «Двир».

Эпштейн А.Д., Зайцева О.А. 2002. Дважды на периферии: дилеммы идентичности арабов — граждан Израиля // «Ближний Восток и современность», № 14.

Galnoor I. 1995. The Partition of Palestine: Decision Crossroads in the Zionist Movement. Albany: State University of New-York Press.

Gelber Y. 2001. Palestine 1948: War, Escape and the Emergence of the Palestinian Refugee Problem. Brighton and Portland: Sussex Academic Press.

Khalidi W. 1988. Plan Dalet: Master Plan for the Conquest of Palestine // «Journal of Palestine Studies», vol. 17, issue 1.

Khalidi R. 2001. The Palestinians and 1948: the Underlying Causes of Failure // The War for Palestine: Rewriting the History of 1948. Ed. by E. Rogan, A. Shlaim.

Cambridge: University Press.

Kimmerling B., Migdal J. 1993. Palestinians: The Making of a People. N.Y.: The Free Press.

Masalha N. 1992. Expulsion of the Palestinians: The Concept of «Transfer» in Zionist Political Thought, 1882–1948. Institute for Palestine Studies.

Morris B. 1994. 1948 and After. Israel and the Palestinians. Oxford: Clarendon Press.

Morris B. 1999. Righteous Victims. A History of the Zionist–Arab Conflict, 1881–1999. N.Y.: Alfred Knopf.

«Palestine-Israel Journal of Politics, Economics and Culture», 2002, vol. 9, issue 2.

Palumbo M. 1987. The Palestinian Catastrophe. The 1948 Expulsion of a People from Their Homeland. L.: Faber and Faber.

Shiblak A. 1996. Residency Status and Civil Rights of Palestinian Refugees in Arab Countries // «Journal of Palestine Studies», vol. 25, issue 3.

Teveth S. 1990. The Palestine Arab Refugee and its Origins // «Middle Eastern Studies», vol. 26, issue 2.